

ВОССТАНИЕ В АРАБСКОМ МИРЕ: ПОСЕВЫ И ВСХОДЫ

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: НА ПУТИ К НОВОМУ «БАЛАНСУ СИЛ»?

А.М. ВЫСОЦКИЙ

Аспирант МГИМО (У) МИД России

Ключевые слова: США, Ближний Восток, революции, исламисты, многополярность

Террористические акты 11 сентября 2001 г. дали старт новому этапу американской политики на Ближнем Востоке. Был открыт путь к военным операциям в Афганистане и Ираке под знаменем борьбы с «Аль-Каидой». Через 10 лет после начала данного этапа в новейшей истории региона был ликвидирован Усама бен Ладен - символ мирового терроризма и лидер «Аль-Каиды».

Десятилетие «войны с террором» тяжким бременем легло на экономику и политику Соединенных Штатов. Одновременно глубокие, но до поры скрытые от глаз изменения происходили в реалиях внутривосточного развития арабо-мусульманского мира. Совокупность этих обстоятельств может привести к символическому итогу - смерть Бен Ладена, скорее всего, станет для США поводом начать процесс ухода из Афганистана и, в более широком контексте, запустить процесс дистанцирования от новых ближневосточных сюжетов. В свою очередь, подобное поведение США будет означать необходимость поиска нового регионального «баланса сил» - процесса, непростого в любые времена, а в нынешних реалиях Ближнего Востока - чрезвычайно масштабной дестабилизацией.

Ликвидировав лидера «Аль-Каиды», Вашингтон сможет с полным основанием заявить, что «задача 9/11» успешно решена: убит главный организатор терактов, а сама «Аль-Каида» утратила

серьезное влияние на афганские дела. Ранее четко проведенный водораздел между «Аль-Каидой» и движением «Талибан» (с первой - война, со вторым - окно для компромисса) поможет Вашингтону без значительных имиджевых потерь начать выход из афганского тупика. Такой шаг внесет свою лепту в борьбу за снижение оборонных расходов и, в целом, в решение жизненно важной для США задачи уменьшения бюджетного дефицита¹. Кроме того, эта мера как нельзя лучше скажется на шансах Б.Обамы остаться у руля американской политики на следующий президентский срок.

Война с терроризмом продолжит свое существование и как политический лозунг, и как внешнеполитическая практика, однако уже не будет «завязана» на «узкий» афганский сюжет, перейдя в плоскость некоей общегуманистической ценности.

В другой американской операции - иракской - данная тенденция уже обретает ясные формы. В Ираке остается немногим более 50 тыс. американских военнослужащих. До конца 2011 г. ожидается, в теории, их полный вывод из страны, однако на практике речь, скорее всего, пойдет о продлении пребывания относительно небольшого американского контингента на иракской территории с целью «сдержать» Тегеран. Очевидно, что это довольно «узкая» задача, прямо не входящая в антитеррористические рамки.

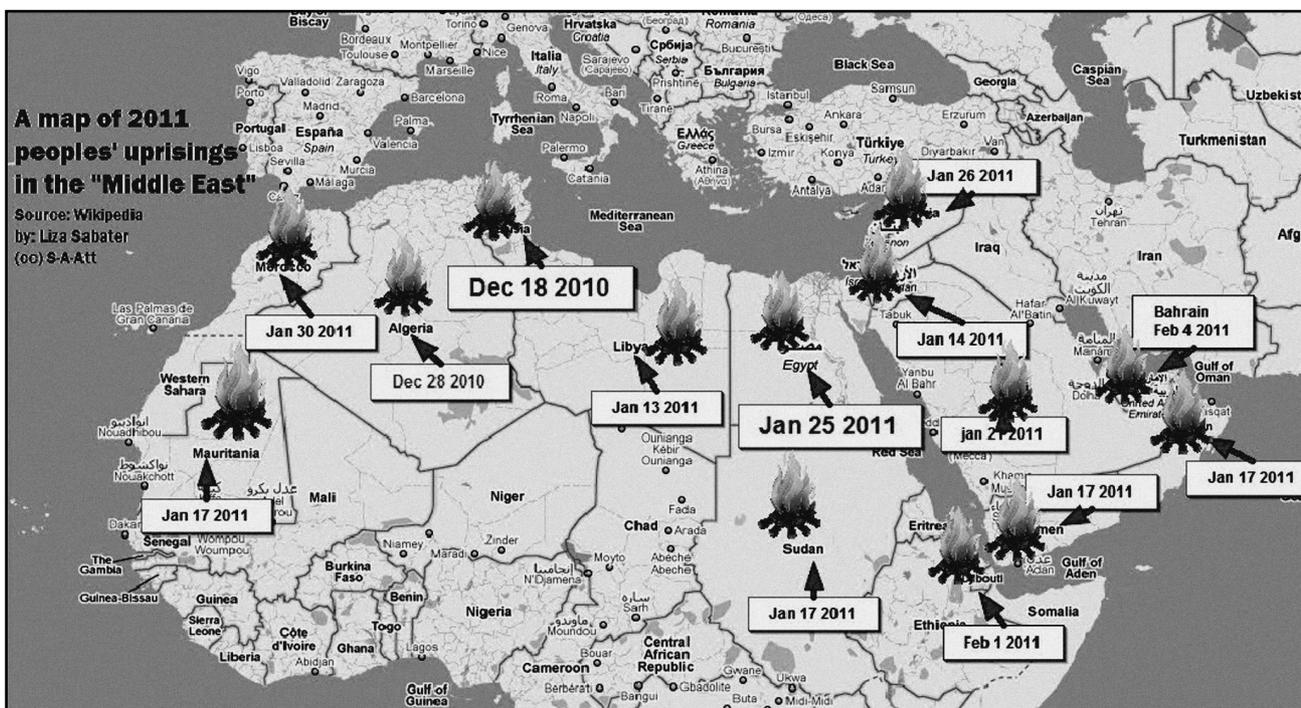
Подобное «самоустранение»

США от тех внешнеполитических сюжетов, которые в 2000-е гг. считались приоритетными, ставит новые вопросы для всего Ближнего Востока.

Прежде чем перейти к анализу этих новых реалий, хотелось бы обратить внимание и на американо-пакистанский контекст. Не до конца понятна роль пакистанцев в ликвидации У.бен Ладена. Тут возможны варианты: либо сознательная, санкционированная сдача пакистанской разведкой своего старого соратника по борьбе с СССР в 1980-х гг., либо действительно независимая, без предварительного извещения пакистанских партнеров-противников, операция ЦРУ. Конечно, могло быть и предательство, но это малозначимый нюанс.

Так или иначе, но в случае потери официальным Пакистаном привлекательности для США в качестве пускной и ненадежной, но всё же важной партнерши в афганских делах, Исламабад рискует оказаться в крайне непростой ситуации. США могут сделать окончательный выбор в пользу развития торгово-экономического и политического сотрудничества с Индией. Пакистан же будет представлять для США и всего остального мира интерес только постольку, поскольку его погружение в хаос будет влиять на проблему сохранности и безопасности его ядерного потенциала.

Однако пакистанский вопрос, при всей его важности, носит скорее частный характер. Он может быть вписан в более широкий

контекст трансформации ближне- и средневосточной подсистемы международных отношений.

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА - СМЕЩЕНИЕ ОРБИТ

Тенденция к «самоустранению» США от приоритетных в 2000-е гг. проблем на Ближнем (Ирак) и Среднем (Афганистан, Пакистан) Востоке укладывается в более широкую трансформацию региональной политики США. Снижение степени вовлеченности Соединенных Штатов в региональные дела, обусловленное в большей степени экономическими причинами, чем реальным переосмыслением Вашингтоном своей роли в международных отношениях, будет иметь долгосрочные последствия для этой части мира.

События 2011 года в Северной Африке указывают на дальнейшее кардинальное смещение акцентов региональной политики. В XX в. последняя находилась на традиционной орбите, в центре которой был арабо-израильский конфликт. Эта ситуация позволяла Соединенным Штатам играть ключевую роль в ближневосточных процессах. Когда президент Египта Анвар Садат, король Иордании Хусейн или лидер ООП Ясир Арафат принимали реше-

ние о необходимости поиска компромисса с Израилем, они направлялись в Вашингтон. Основной и безальтернативный посредник, Соединенные Штаты поочередно принимали у себя израильских и арабских лидеров и могли в значительной степени оказывать влияние на их переговорные позиции как минимум в тактическом плане. Такие возможности закрепили за Соединенными Штатами почетное звание «архитектора» ближневосточных процессов.

Арабо-израильский конфликт довольно органично вписывался и в логику холодной войны - даже не столько в части разделения на монолитные противоборствующие лагеря (и Израиль, и арабские государства в различные исторические периоды выбирали для себя разные внешнеполитические ориентиры), сколько в логику «игры с нулевой суммой».

Однако в 1990-е - 2000-е гг. происходила постепенная эрозия сложившихся в регионе порядков. Наряду с традиционной арабо-израильской «орбитой», на Ближнем Востоке началось формирование иных центров политического напряжения. Ключевыми из них стали проблемы Ирака, ирано-иракских и, шире, ирано-арабских отношений, рост влияния исламистских сил. Конкретными воплощениями этих про-

блем стали оккупация Кувейта армией Саддама Хусейна с последующим постоянным центром напряжения в зоне Залива, победа исламистов на выборах в Алжире и последующая гражданская война в стране, обострение социально-экономических проблем в большинстве арабских стран и ряд других явлений. Поначалу эти новые веяния в региональной политике не могли сравниться по своему «весу» и перманентному внерегиональному резонансу с традиционной арабо-израильской орбитой. Однако с течением времени их роль неуклонно возрастала.

Во многом переломным событием стали теракты 11 сентября 2001 г. Причем «переломный» характер они носили именно для Запада, для западных и, в частности, американских взглядов и подходов к проблемам ближневосточного региона. Стал очевиден рост экстремистских проявлений в жизни мусульманских государств, который был спровоцирован не только застарелым арабо-израильским конфликтом (на что пытались сослаться многие арабские лидеры), но и внутренними проблемами и дисбалансами в развитии стран региона.

Под изменившиеся региональные реалии пришлось подстраиваться внешним игрокам, особенно Вашингтону. В результате

американская внешняя политика оказалась перед лицом принципиально новых, значительно более сложных проблем. Если посредничество в арабо-израильском вопросе было, в целом, традиционной политико-дипломатической миссией, на которую десятилетиями так или иначе «замыкалась» вся региональная подсистема международных отношений, то этого никак нельзя было сказать об объявленной необходимости срочного государственного строительства в «странах-изгоях».

Такое «строительство» оказалось чрезвычайно сложной задачей и удавалось лишь в системе отношений «метрополия-колония». В XX веке колониальные державы, в первую очередь Англия и Франция, столкнувшись с необходимостью постепенного ухода из африканских и азиатских колоний, попытались перед этим задать новым государствам региона некие рамки будущего политического существования. В ряде случаев этого, действительно, удалось добиться. Однако, выйдя из-под классической колониальной зависимости, новые государства оказались включены в новый формат глобальной политики - биполярную конфронтацию. Даже участники Движения неприсоединения - в большинстве своем новые независимые государства - не могли «самоустраниться» от логики холодной войны и так или иначе были вынуждены к ней приспособливаться. Впрочем, для многих стран игра на противоречиях между сверхдержавами стала выгодным «бизнесом».

О чем говорил данный опыт? Для идеологов вторжения в Ирак и Афганистан именно создание некой новой, «просвещенной» модели колониализма и служило желательной целью американской политики. Видные сторонники и идеологи неоконсерваторов не раз заявляли об этом открыто².

Дополнительным аргументом в их пользу служил тот факт, что после окончания биполярной конфронтации и последовавшего фактического перехода к однополярной системе международных отношений для стран «третьего

мира», в т.ч. арабских государств, однозначной становилась необходимость выстраивания более тесных отношений с Соединенными Штатами Америки.

В 1990-х - начале 2000-х гг. Соединенные Штаты добились беспрецедентных успехов в строительстве системы союзов и союзнических обязательств. Особенно наглядно это было видно в Европе. С окончанием биполярной конфронтации США удалось включить в систему формальных и неформальных союзов большую часть стран бывшего социалистического лагеря. Государства Центрально-Восточной Европы и три прибалтийские республики бывшего СССР вошли в состав НАТО. Остальные бывшие советские республики в той или иной степени также стали ориентироваться на США в своем развитии и выстраивании отношений с Россией. Украина и Грузия в 2007-2008 гг. получили официальный статус кандидатов на вступление в блок и остановились в шаге от «Плана действий для членства в НАТО».

В других регионах мира, в т.ч. на Ближнем Востоке, партнерские или как минимум дружелюбные отношения с США стали «правилом хорошего тона». Режимы, которые так не считали, в глазах большей части мирового сообщества становились «анфантерриблями» (теократический режим в Иране, Саддам Хусейн, Муаммар Каддафи, Ким Чен Ир, в меньшей степени Уго Чавес) или как минимум интересными «ископаемыми» (семьи Асадов и Кастро).

Следовательно, регион «Большого Ближнего Востока» представлялся досадным исключением из общего правила. Приведение его к доказавшему свою эффективность «общему знаменателю» трактовалось в качестве перспективной задачи для Соединенных Штатов, успех в решении которой, кроме всего прочего, гарантировал бы и обеспечение безопасности США.

ЧТО ИЗМЕНИЛОСЬ?

Тем временем на Ближнем Востоке происходил процесс, который можно назвать постепенным усложнением региональной

политики. Местная подсистема международных отношений становилась все более «многослойной». К традиционным арабо-израильским «трекам» (в терминологии Мадридской конференции 1991 года) постепенно прибавлялись новые узлы противоречий. Первый из них возник вокруг Ирака, затем к нему добавились - гражданская война в Алжире, рост влияния исламистов на фоне снижения легитимности авторитарных ближневосточных режимов, раскол Палестины, новый виток ливанского кризиса, активизация ХАМАСа и «Хезболлы» и другие тренды.

Продолжая и в 2000-е гг. играть ключевую роль в арабо-израильском контексте, в других плоскостях региональной политики Вашингтон также стремился сохранить за собой достаточное влияние. Отчасти это удавалось сделать в Ираке. Оккупировав страну и внедрив новые органы управления, Соединенные Штаты и их союзники смогли создать достаточно комфортные условия для начала процесса комплексного политического конструирования, которое и именуется термином «государственное строительство» (*“state-building”*). Успехи аналогичных действий в Европе (в частности, в Боснии и Герцеговине), вероятно, добавляли Вашингтону «исторического оптимизма».

Иракский эксперимент стал импульсом для нового идеологического оформления ближневосточной политики США - плана «Большого Ближнего Востока», в котором была прописана взаимосвязь между демократизацией и либерализацией арабских режимов - с одной стороны, и их экономическим развитием, борьбой с терроризмом и экстремизмом - с другой. В Ираке эта доктрина стала воплощаться в жизнь методами «жесткой силы». Однако в масштабах всего арабо-мусульманского мира проведение такой операции оказалось невозможным. Симптомы новых кризисов развивались по собственному, неконтролируемому извне сценарию.

Первоначально слабые и малозаметные новые тенденции и «центры средоточения» ближне-

восточной политики постепенно смогли составить конкуренцию традиционным арабо-израильским «трекам». Ранее бывшая центральной, арабо-израильская проблема постепенно включалась в более широкий контекст региональных процессов. Она на глазах переставала быть центром, вокруг которого вращалась региональная политика, и постепенно попадала на «чужую» политическую орбиту.

Важной вехой этого ключевого для региональной политики процесса стал 2006 год. Территориально-политический раскол Палестинской автономии - на сторонников слабеющего ФАТХ и динамичного ХАМАС, на Западный берег и сектор Газа - стал началом нового этапа и для развития палестинской проблемы, и для эволюции палестино-израильских отношений, и для трансформации всего региона.

В палестинских реалиях раскол означал дальнейшую дезориентацию в вопросе о создании независимого государства. Обострились традиционные, фундаментальные вопросы - каким образом провозглашать независимое Палестинское государство, на каких территориях оно будет расположено, где будет его столица, как будут осуществляться административные функции, как поступить с дипломатической стороной дела, как будут выглядеть отношения нового государства с Израилем?

В палестино-израильском контексте демонстративное нежелание Израиля и ФАТХ «обращать внимание» на ХАМАС и стремление продолжать вести дело так, как будто парламентских выборов в автономии не было, привели к естественному тупику в палестино-израильском диалоге и, шире, в многострадальном процессе ближневосточного урегулирования. Сохранение старого формата урегулирования стало в принципе невозможным, а какой-либо новый формат - вследствие диаметрально противоположных позиций заинтересованных сторон - объективно не просматривался.

В региональных реалиях победа ХАМАС на парламентских выборах стала вторым (после Алжи-

ра в 1991 г.) примером прихода исламистов к власти путем демократического волеизъявления. Это стало свидетельством дальнейшего роста влияния исламистов на общественное мнение в арабских странах.

Часть ответственности за такой результат несли и США - именно Вашингтон пестовал идею свободных выборов в ПНА, заставив Израиль согласиться на участие в них хамасовцев. Здесь интересны аналогии с алжирскими событиями 1991 г. Для сравнения процитируем бывшего госсекретаря США Дж.Бейкера: «...мы старались исключить радикальных исламистов из политической жизни Алжира, хотя и признавали, что это противоречит курсу на поддержку демократии. В принципе такой курс предполагает, что вы приемлете любые его последствия, даже если, на ваш взгляд, они нежелательны... Однако в Алжире мы повели себя совершенно иначе, поскольку успех фундаменталистов слишком противоречил национальным интересам Соединенных Штатов, а их ценности оказались несовместимы с нашими собственными ценностями»³.

Другим важным событием 2006 г. стала война Израиля и «Хезболлы». С одной стороны, она явилась логическим продолжением тех событий, которые имели место в Ливане в ходе гражданской войны. С другой, конфликт стал во многом новым явлением. Израилю противостояли не арабские государства, а некое новообразование, «государство в государстве», пускай и пользовавшееся поддержкой из-за рубежа.

В результате палестино-израильские и арабо-израильские противоречия, отнюдь не потеряв остроты, получили новое измерение. Конфликт вышел за привычные рамки де-факто межгосударственных отношений по линии «арабские государства - Израиль» (с активным американским посредничеством), за пределы территориальных торгов. Наряду с традиционными, в конфликте появились новые движущие силы, а сам он стал одним из элементов более широкого регионального контекста. Окончатель-

но бесперспективными стали попытки его «изолированного» решения. Круг вопросов и задач расширился, что означало автоматическое снижение способности США и других внешних сил влиять на каждый взятый в отдельности региональный сюжет.

НОВЫЙ «БАЛАНС СИЛ»

Наконец, новым «треком» на Ближнем Востоке стали народные выступления и революции, начавшиеся в 2011 г. и направленные против изживших себя авторитарных режимов. По иронии судьбы, слова Джорджа Буша-младшего о том, что «становление свободного Ирака в сердце Ближнего Востока будет поворотным пунктом в мировой демократической революции»⁴, получили неожиданное подтверждение.

Можно с уверенностью утверждать, что свержение египетского, тунисского и йеменского режимов шло в разрез с региональными интересами безопасности США. В одночасье Вашингтон лишился нескольких своих основных союзников, положение остальных также стало крайне шатким. Тем не менее, Соединенные Штаты были не в состоянии реально повлиять на ход событий. В известной степени они лишь попытались «оседлать волну», которую не смогли остановить, - призывами к Хосни Мубараку оставить свой пост и, более абстрактно, к тому, чтобы голос оппозиции в арабском мире был, наконец, услышан.

Показательно, что и в случае с Ливией Соединенные Штаты не были в авангарде процесса ускоренной маргинализации режима Муаммара Каддафи. Вашингтон поддержал франко-английский «кавалерийский наскок», но сделал это, скорее, по инерции, явно не желая брать на себя новые военно-стратегические обязательства.

В условиях подобного, наполовину вынужденного, наполовину сознательного американского самоустранения от ближневосточных дел - согласно классической теории «баланса сил» - должен наступить момент, когда образовавшийся «вакуум» начнут

подминать под себя новые, более динамичные игроки. Встает вопрос: кто это будет?

О том, чтобы подобное желание появилось у ослабленного внутренними кризисами и противоречиями Евросоюза или даже отдельных, наиболее «бойких» его представителей - речи, видимо, не идет. На роль «заменителей» США в арабском мире традиционно прочат набирающий мощь Китай, амбициозную, экономически привлекательную и религиозно близкую Турцию, а также Иран.

Быть может, кто-то из них, а скорее всего, и каждое из этих трех государств действительно было бы не прочь усилить свои позиции в важном регионе Ближнего Востока. Однако нельзя не видеть, что реальной возможностью взять на себя регулирующие функции на этом обширном пространстве нет ни у Пекина, ни у Анкары, ни у Тегерана. В этих условиях «Большой Ближний Восток» рискует стать первой зоной по-настоящему «бесплюсного» мира.

Если в глобальных реалиях отход от однополярного мироустройства традиционно увязывается с более равным распределением некой «суммы влияний» между математическим множеством акторов (США, ЕС, Китай, Россия, Индия, БРИКС, АСЕАН и т.п.), то в нынешнем ближневосточном контексте пресловутая многополярность вряд ли достижима. Прежде всего, по причине слабости любого из потенциальных «полюсов».

Если говорить коротко, то все альтернативные США полюса влияния на нашей планете могут рассчитывать на постепенное относительное ослабление американских позиций в своих регионах и плавное замещение американского влияния своим собственным. Этот процесс, образно говоря, является первым этапом становления полицентричности, и по факту происходит сегодня.

Вторым этапом, в теории, должна стать выработка неких новых норм поведения уже на глобальном уровне, когда на мировой арене будет исключена возможность диктата одного из по-

люсов (читай, США). Однако реализация данного этапа все еще не началась. Тот факт, что США не захотели повторять иракский сценарий в Ливии или Сирии, отнюдь не означает, что кто-нибудь в мире мог бы им помешать это сделать, возникни у Вашингтона подобное желание. Здесь целиком и полностью проявились внутренние ограничения.

Проблема и беда Ближнего Востока в условиях американского «самоустранения» - это отсутствие в регионе самостоятельных центров силы, способных «взять на себя» высвобождающийся «ресурс влияния» тогда, когда кандидатов на должность нового внешнего регулятора не просматривается.

Опасения вызывает как сам факт дезориентированного изменения «баланса сил», так и то, с какой скоростью происходит это изменение.

«Ближневосточный котел» может в довольно короткие сроки дойти до точки кипения, когда нестабильность в регионе станет правилом. В такой «мутной воде» «ловля рыбы» извне будет максимально затруднена. И шансы для дальнейшего упрочения позиций появятся у динамичных внутренних игроков - но не у традиционных государств, испытывающих на себе растущее внутреннее давление, а скорее, у новых сил. Ими в ближневосточных реалиях, в условиях нарастания дальнейшего «смятения в умах» могут оказаться традиционалистские элементы.

Исламский фундаментализм получает шанс на время стать для региона альтернативой хаосу примитивной демократии. А способность военных или либеральных сил, пускай и заставивших уйти дряхлые режимы Мубарака и Бен Али, составить конкуренцию оппонентам по неизбежной внутривосточной борьбе, еще нуждается в веских доказательствах.

Процесс кипения не может продолжаться вечно. Неизбежно возвращение ситуации в какое-либо из более равновесных состояний. Но такое равновесное состояние обязано покоиться на неких надежных опорах, одном или нескольких «китах».

На роль таких «китов» должны претендовать стабильные общественно-политические структуры. Во всем мире их роль традиционно играют национальные государства и производные от них международные структуры. В арабском мире о наднациональных механизмах речь не идет просто в силу того, что старые режимы нестабильны, характер новых лишь формируется. От того, каким он будет, и зависит образ «нового Ближнего Востока».

¹ Подробнее по этой теме см.: *Олтман Р., Хаас Р.* Американское расточительство и американская мощь (опубликовано в журнале *Foreign Affairs*, № 6 за 2010 год).

² Так, бывший редактор газеты «Уолл-стрит джорнэл» М.Бут в статье «В защиту американской империи» писал: «Сегодня Афганистан и другие неблагополучные страны умоляют вести у них нечто вроде просвещенного иностранного правления, однажды уже ниспосланного им самоуверенными англичанами в джодлурах и пробковых шлемах». Ему вторил обозреватель «Вашингтон пост» С.Маллаби, отмечавший, что «логика неоимпериализма слишком убедительна... чтобы ей сопротивляться», и советовавший организованным обществам во главе с Соединенными Штатами «насаждать свои институты среди неорганизованных». В другой статье он же призывал обеспечивать экономический прогресс в третьем мире за счет «неоколониальных методов управления» - см.: *Boot M.* The Case for American Empire // *Weekly Standard*, Washington, 15 October 2001, vol. 7, № 5; а также *Mallaby S.* The Reluctant Imperialist, Terrorism, Failed States, and the Case for American Empire // *Foreign Affairs*, NY, March-April 2002; *его же* - *The Politically Incorrect Guide to Ending Poverty* - <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2010/07/the-politically-incorrect-guide-to-ending-poverty/8134>

³ Интервью Дж.Бейкера журналу *Middle East Quarterly*, vol. 1, № 3, September 1994, p. 83.

⁴ Remarks by the President at the 20th Anniversary of the National Endowment for Democracy. US Chamber of Commerce. November 6, 2003.